

Г.В. Ляпишев, И.С. Тихонов

**Дневник неизвестного участника похода 1807 года в
Пруссию
(К 200-летию русско-пруско-французской войны 1806–1807 гг.)**

В отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге в фонде историка Н.К. Шильдера хранится анонимная рукопись участника похода 1807 г., служившего в Санкт-Петербургском милиционном батальоне стрелков¹. Рукопись называется «Поденный журнал во время похода из С. Петербурга за границу в Прусские владения 1807 года февраля с 23-го по 25 августа» и представляет собой писарскую копию на 101 странице. Копия написана очень аккуратно, нет ни одного места, которого бы не удалось разобрать. Однако есть довольно много разночтений в фамилиях упоминаемых лиц и названиях географических объектов. Кроме того, рукопись явно подвергалась некоторому авторскому редактированию, поскольку большинство упоминаемых в дневнике лиц указаны с именами и отчествами, которые автор вряд ли имел возможность столь подробно выписывать в походных условиях. Да это и не нужно, если автор производил записи для себя. Далее, описывая, как 18 апреля 1807 г. автор проезжал вблизи Фридланда через поле, он в скобках дает примечание: «...на котором 2 июня было ужаснейшее сражение». Но такое позднейшее вмешательство, по-видимому, минимально, и в основном текст выглядит как записанный сразу по следам событий. Из этих обстоятельств можно заключить, что автор дополнил рукопись для передачи кому-то или, возможно, для публикации.

Прежде чем перейти к изложению содержания дневника, следует вспомнить, что из себя представлял Санкт-Петербургский милиционный батальон стрелков. В начале русско-пруско-французской войны для укрепления сухопутной армии император 30 ноября 1806 г. Александр I издал манифест «О составлении и образовании повсеместных временных

ополчений или милиций»². Губернии, которые должны были принять участие в создании этого ополчения, называемого также «Земским войском», были разделены на семь областей. В 1-ю область земского войска вошли Санкт-Петербургская, Новгородская, Тверская, Олонецкая и Ярославская губернии. Желая подать пример точного исполнения своего повеления, император приказал из государственных и дворцовых крестьян сформировать в Стрельне батальон, названный «Императорским батальоном милиции». Формирование этого батальона взял на себя лично цесаревич Константин Павлович, вложивший свои средства и выставивший 159 ратников из своих вотчин³.

В 1-й области земского войска прежде всего был выставлен батальон от Санкт-Петербургской губернии и г. Санкт-Петербурга, названный Санкт-Петербургским батальоном стрелков милиции. В первых числах февраля 1807 г. последовало Высочайшее повеление о выборе из общего числа ратников «людей, приобывших стрелять в цель». Таковых оказалось 871 человек. Отобрав из них 610 человек и включив еще 67 петербургских мещан, сформировали «батальон стрелков Санкт-Петербургской милиции». Подполковник Лейб-гренадерского полка Н.Н. Веревкин приступил 13 февраля 1807 г. к формированию этого батальона, причем обмундирование офицерам было дано по образцу «сформированной Его Высочеством милиции», т. е. по образцу Императорского батальона. Формирование батальона производилось так поспешно, что уже 23 февраля, на десятый день своего существования, батальон стрелков Санкт-Петербургской милиции выступил в поход для участия в кампании 1807 г.⁴ Батальон выступил вместе с лейб-гвардии Егерским полком, к которому он был присоединен на время похода; четыре офицера полка (поручики М.А. фон Менгден, П.А. Огонь-Догановский, И.А. Петин, князь Н.В. Туркистанов) были назначены ротными командирами батальона стрелков. Командиры среднего звена были подобраны из дворянского

сословия. Одним из них был сотенный начальник в чине губернского секретаря К.Н. Батюшков, будущий известный поэт. Следует отметить, что поскольку в Петербурге одновременно формировались два батальона милиции – Санкт-Петербургский и Императорский, – их часто путают друг с другом, порой объединяя в один. По манифесту от 27 сентября 1807 г. «О прекращении существования Земского войска»⁵ Санкт-Петербургский батальон был расформирован, а на базе Императорского батальона позже был образован лейб-гвардии Финляндский полк).

Теперь перейдем к содержанию дневника. В пределах России поход проходил по маршруту Санкт-Петербург – Нарва – Дерпт – Рига – Митава – Юрбург. Во время похода автор, доселе не бывавший в этих местах, проявляет любознательность, отмечая, как построен тот или иной город, какие есть достопримечательности и промышленность. Так, в Нарве он осматривает Нарвский водопад, в г. Вольмар посещает театральное представление.

Переправляться через Неман в прусские владения автору довелось в первой лодке, заменяя отлучившегося ротного командира, и на прусском берегу представлять роту русскому императору и прусскому королю. Далее по записям автора можно представить походный быт русской армии, глазами рядового участника увидеть сражения при Гутштадте, Гейльсберге и Фридланде. Как пишет автор, в сражении при Гейльсберге «ранен я был и, как полагал от своих, контузию в голову», но «по усердию к службе и не желая расставаться с оставшимися в небольшом числе товарищами» остался в строю. При Фридланде «часу в пятом пополудни ранили еще меня картечью в левый бок, но, как видно, что она была уже на излете, то кроме сильного удара она не повредила тела, через несколько же после сего минут я почувствовал сильную во всем боку боль и то место, которого коснулась картечь, распухло и потемнело, почему я с помощью двух егерей должен был оставить фронт...». Далее описывается возвращение в Юрбург и пребывание в нем

в ожидании заключения мира в Тильзите. После этого автор был командирован для транспортировки 19 тяжелобольных в гвардейский госпиталь, расположенный в Шавлях. На обратном пути к своему батальону он заезжал с визитом к известному графу Петру Алексеевичу фон дер Палену, организатору убийства императора Павла I, который проживал в своем имении близ Митава. Присоединившись к своему батальону, автор через Печоры и Псков вернулся в Петербург.

Поражает общительность автора: в дневнике упоминается около 70 лиц различных званий: от императора и короля до фельдфебеля, большинство из них – офицеры. Знакомые автора служили в его батальоне и в лейб-гвардии Егерском полку, а из других полков - в лейб-гвардии Казачьем и Кексгольмском мушкетерском полках.

Разумеется, чтобы данный дневник мог стать полноценным историческим источником, первоочередной задачей являлось определение личности автора. Какие сведения из дневника могли помочь в этом?

Во-первых, имена родственников: упоминается брат Александр Иванович и тетушки Надежда Филипповна Лобанова и Мария Филипповна Масальская. Если брат родной, то отчество автора «Иванович»; но часто и двоюродных братьев в переписке называют просто «брат». Ясно, что тетушки – между собой сестры, но степень родства автора с ними неопределенна; они могли оказаться ему, например, двоюродными. Во-вторых, в своей роте автор был следующим по старшинству после командира роты, которые все были в чине поручика. Отсюда следует, что чин автора не выше поручика, а поскольку в земском войске большинство офицеров имело гражданские чины, то не выше титулярного советника. В-третьих, могли пригодиться сведения об участии автора в сражениях и полученных ранах. И наконец, в-четвертых, обещание командира лейб-гвардии Егерского полка графа Сен-При ходатайствовать перед прусским королем о награде для автора. Больше никаких существенных зацепок в дневнике нет.

Был составлен список упомянутых в дневнике офицеров батальона, поскольку любой из неупомянутых мог рассматриваться как его потенциальный автор. В первую очередь поиск фамилии автора был проведен по спискам офицеров, награжденных за кампанию 1807 г., которые были опубликованы в «Московских ведомостях» в 1808 г.⁶ По этим спискам было установлено, что по Санкт-Петербургскому милиционному батальону стрелков были награждены командир батальона Н.Н. Веревкин, четыре офицера лейб-гвардии Егерского полка, прикомандированные к батальону, поручики М.Н. Мацнев, М.А. фон Менгден, И. А. Петин, князь Н.В. Туркистанов⁷ и десять офицеров батальона. Ордена Св. Анны 3-й степени получили губернские секретари Батюшков, Загобель, Григорьев; сенатские регистраторы Медведев и Петелин; коллежские регистраторы Эстерейх и Трусков; золотыми шпагами с надписью «За храбрость» были награждены капитан Лукницкий и титулярные советники Логинов и Хрущов. Из них трое – титулярный советник Логинов, губернский секретарь Григорьев и сенатский регистратор Медведев – в дневнике не упоминались! Кто же из них автор дневника?

Ответ нашелся в рапорте командира батальона Веревкина о представлении офицеров к наградам⁸, где были перечислены их подвиги и раны, полученные в сражениях: Логинов не был ранен, Медведев ранен при Фридрихсберге пулей в грудь, а Григорьев при Гейльсберге получил контузию в голову, как и автор дневника. Отсюда следует, что искомым лицом является Григорьев.

Но определена была только фамилия, поскольку в рапорте и в списках награжденных имена и отчества отсутствовали. В поисках недостающих сведений пришлось обратиться к спискам кавалеров российских орденов, которые ежегодно публиковались в «Придворном календаре». И вот наконец в календаре на 1825 г. были обнаружены фамилия, имя, отчество и чин автора дневника полностью: Григорьев

Василий Иванович, губернский секретарь⁹.

Поскольку фамилия Григорьев достаточно распространенная, а место его статской службы было неизвестным, то для определения биографии автора дневника приходилось проводить поиски в самых разных направлениях. Безрезультатно были просмотрены генеалогические справочники. Ничего определенного не нашлось в петербургском, провинциальном и московском некрополях, а также в «Адресной книге С. Петербурга на 1809 год». При просмотре высочайших приказов за 1807–1808 гг. не оказалось Григорьева среди тех офицеров батальона, кто после роспуска ополчения решил продолжать военную службу.

Исчерпав многие способы, решено было поискать родственников В.И. Григорьева среди Григорьевых, удостоенных помещения в биографические словари и энциклопедии. При этом обратил на себя внимание известный востоковед Василий Васильевич Григорьев (1816–1881)¹⁰, который по отчеству и по году рождения мог быть сыном Василия Ивановича. Биографические сведения о В.В. Григорьеве и перечень его статей были опубликованы в издании археологического общества «Василий Васильевич Григорьев, по его письмам и трудам», составленном Н.И. Веселовским, который был его учеником и сотрудником. И здесь нас ожидала редкая удача: Василий Васильевич действительно оказался сыном Василия Ивановича Григорьева, и в упомянутой книге сообщается довольно много сведений о нем и его родственниках.

Итак, предоставим слово Николаю Ивановичу Веселовскому: «Скажу несколько слов о ближайших родственниках В<асилия> В<асильевича>, что сам слышал от покойного и что удалось мне извлечь из бумаг его. Отцу В. В-ча, Василью Ивановичу Григорьеву, было при рождении сына 35 лет, матери Агриппине Ивановне, в девицах Алексеевой, – не знаю сколько... О происхождении матери В. В., знаю ..., что была она дочь какого-то очень мелкого чиновника придворного

конюшенного ведомства и лишилась отца еще до своего замужества... Дед В. В-ча по отцу, Иван Григорьевич Григорьев, не дожил до появления на свет внука. Был он также чиновником и в 1803 году получил чин коллежского асессора, служил в сенате, кажется, секретарем, имел собственный домик на Петербургской стороне, приобретенный едва ли не за 50 рублей серебром. Женат был на Дарье Ивановне, урожденной Набатовой и прижил с нею довольно многочисленное семейство. Василий Иванович был вторым сыном. Старший, Александр Иванович, умер также до рождения В. В-ча. Младшие сыновья – Григорий и Владимир. Кроме сыновей И. Г. имел четырех дочерей, да много умерло в детстве»¹¹. Далее сообщается, что Иван Григорьевич имел собственную библиотеку, причем особенно любил читать серьезные немецкие книги (например, Эммануила Канта) и даже что-то переводил. Но воспитанием своих детей особенно не заботился.

Казалось бы, обычный мелкий чиновник, служака. Тем удивительнее было узнать, что Иван Григорьевич раньше был вовсе не Григорьев. Вот что об этом написано в биографии: «Фамилию “Григорьев” дедушка В. В-ча принял сам. По отцу он был Пожарский. Другой его брат также переменял родовую фамилию Пожарского на Поморцева. По семейным преданиям, причиною этого было то, что третий брат И. Г., тоже, разумеется, Пожарский, состоял чем-то при императоре Петре III и пользовался его расположением, а после кончины императора, из опасения опалы и, может быть, преследования, бежал в Пруссию, откуда потом не было уже о нем никакой вести. Этот поступок бывшего фаворита императора напугал двух его младших братьев до такой степени, что они, желая укрыться от мнимых или действительно возможных тогда преследований, не нашли ничего лучше, как отречься от всякой связи с беглецом, переменяв фамилию... Эти три брата не были петербургскими уроженцами. В Петербург явились они – не знаю когда, как и зачем – из Суздаля, где отец их... Григорий Екимович, был

соборным протопопом. В те времена дворяне нередко еще вступали в духовное звание. Родной брат Григория Екимовича, Филипп Екимович, имел чин премьер-майора или секунд-майора - хорошенько не знаю, стало быть, служил в военной службе. Отца у них звали Еким Филиппович. Далее этого пращура В. В, ничего уже не знал, и ни отец его, ни тетка, хранительница семейных преданий, ничего сообщить ему не могли. Дочерей Филиппа Екимовича, Марью Филипповну, бывшую замужем за Масальским, и Надежду Филипповну, бывшую замужем за Лобановым, В. В. знал в детстве и бывал у них»¹².

Таким образом, в биографии есть все родственники, которые упомянуты в дневнике, и приведены сведения, позволяющие уточнить родственные отношения и некоторые даты. Так, отец Иван Григорьевич и старший брат Александр Иванович Григорьевы умерли до 1816 г. – года рождения сына Василия Васильевича. Тетушки Мария Филипповна Масальская и Надежда Филипповна Лобанова, урожденные Пожарские, являются двоюродными сестрами отца. Наконец, можно определить год рождения Василия Ивановича: так как в год рождения сына ему было 35 лет, то его год рождения примерно 1781-й. По словам сына, Василий Иванович знал о своем происхождении от князей Пожарских.

В недавно вышедшей книге протоиерея Александра Соколова «Князья Пожарские и нижегородское ополчение»¹³ приведена «Родословная князей Пожарских, дворян Пожарских и их потомков». По этой родословной княжеский род Пожарских пресекся на князе Георгии Ивановиче, умершем в 1685 г. Однако он имел внебрачного сына Ивана от дворовой девицы, который получил поместье из бывших княжеских вотчин в Суздальском уезде. Он и его потомство утратили княжеское достоинство, но вошли в состав дворянства Владимирской губернии. Отсюда следует, что Василий Иванович Григорьев является прямым потомком знаменитого князя Дмитрия Михайловича Пожарского в седьмом колене.

От далеких предков Василия Ивановича перейдем к нему самому.

В биографии сообщается: «По словам В. В-ча, это был благообразный мужчина среднего роста, довольно полный, даже с брюшком. В молодости он был очень красив собою (Любопытно отметить, что его двоюродный дядя А.Ф. Пожарский, старший брат упоминавшихся выше тетюшек, также был красив собою и даже рассматривался как «кандидат» в фавориты Екатерины II, но вследствие интриг это не состоялось. Об этом сообщает князь И.М. Долгоруков, второй женой которого стала вдова А.Ф. Пожарского¹⁴. – Прим. авт.). Кроме приятной наружности и крепкого телосложения, природа не обделила его духовными дарами. При обработке их хорошим воспитанием мог бы выйти из него человек недюжинный. Но воспитания... не досталось на его долю не только хорошего, а ровно никакого. Дома был он баловнем матери и не приобрел не только твердых нравственных начал, но даже и добрых привычек; а на улице, где слонялся с другими мальчишками, набрался только беспутности всякого рода. В таком обществе скоро узнают, “на чем свет стоит”. Это же знание, при сильной и горячей натуре В. И. повело его к раннему, весьма раннему сближению с прекрасным полом. И несмотря на то, сохранил он до глубокой старости вполне и умственные и физические силы; а умер 82 лет. Книжное образование, данное ему в отрочестве, ограничивалось умением читать и писать, да знанием первых четырех правил арифметики. Большого и не требовалось, чтобы юноша мог поступить на государственную службу - естественную карьеру чиновничьего сына. С этим образованием, когда минуло Василию Ивановичу 14 лет, и был он – чтобы свой хлеб приучался добывать – определен, по протекции своего отца, в Правительствующий Сенат копиистом.

В течение десяти лет затем, как значится в формулярном списке, достиг он в Сенате звания канцеляриста и чина коллежского регистратора (с 1799 г.), перешел оттуда на службу в штат полиции, потом в Ассигнационный Банк, оттуда в заемный. И в 1805 году дослужился до чина губернского секретаря. В октябре 1811 года поехал

он, чтобы попытаться счастья на службе, в Сибирь, где и занимал в Тобольске должность стряпчего, но не ужился с начальством и вернулся в Петербург летом 1815 г., а в октябре того же года снова поступил в полицию, где прослужил около года. Уволившись из полиции 20 августа 1816 г. В. И. занимал после того разные другие должности, постоянно жалуясь на неблагоприятность к нему судьбы.

Причиной переходов из одного места в другое было, полагать надо, легкое отношение В. И. к своим служебным обязанностям, увлечение кутежами, что, конечно, навлекло ему выговоры от начальства, тогда как он кротостью характера не отличался. В своем кругу, где бы он ни жил, считался он всегда человеком умным и способным, думал тоже самое о себе, а на пороки и недостатки свои внимания не обращал; потому всегда и во всем считал себя правым и при всяком столкновении с высшими винил их, а не себя, и нередко приходил в «азарт», полагая, что так и следует благородному дворянину. Подвигами такого рода заполнен его дневник, веденный им в молодости, в котором излагаются, между прочим, и взгляды его на благородство»¹⁵.

Многое из того, что написано о В.И. Григорьеве в биографии, нашло отражение и в его дневнике 1807 г.: это и интерес к женскому полу, и кутежи и картежная игра (в одной из записей Григорьев сообщает, что, играя с К.Н. Батюшковым, он «остался в выигрыше 20 червонных»). Не задумываясь, он может дать пощечину или поколотить кого-то нагайкой.

Н.И. Веселовский сообщает некоторые вехи службы В.И. Григорьева, написанные, как он утверждает, на основании формулярного списка. Поэтому совершенно непонятно, почему он совсем ничего не говорит о службе В.И. Григорьева в Земском войске и не указывает полученные им награды: орден Св. Анны 3-й степени, прусский орден «Пур ле мерит», золотую медаль «Земскому войску».

Тем не менее в этой биографии есть слова, рисующие верный психологический портрет людей, подобных В.И. Григорьеву: «...не

можем не заметить вместе с тем, что под корою всевозможных пороков крылись, однако, даже в испорченных людях того времени ростки разных хороших качеств, какими не всегда могут похвалиться нынешние люди. Они не дорожили комфортом настолько, чтобы считать его высшим благом в жизни, для обладания которым можно всем жертвовать; были для них и более высокие идеалы... Свою готовность на самопожертвование доказывали они не словами только, а делом. Верили в свою силу, оттого верили и в силу России, оттого в случае надобности каждый мог сделаться героем. Как легки были они на пакости всякого рода, так легки были и на добро. Трусами не были ни против товарищей, ни против начальства, ни против врага и от неудач не падали духом»¹⁷.

Таким образом, основная канва биографии Василия Ивановича Григорьева известна; дополнительно установлено, что, будучи в Тобольске в 1811–1815 гг., В.И. Григорьев служил в должности стряпчего (помощника прокурора) по казенным делам и имел чин коллежского асессора¹⁸. Однако некоторые обстоятельства его жизни еще могут быть уточнены при дальнейших исследованиях, особенно по документам личного фонда его сына В. В. Григорьева, который, как удалось установить, хранится в РГИА¹⁹ (СПб.) и там, возможно, находится подлинник более полного дневника В.И. Григорьева, а также его формулярный список. Поиск в этом направлении будет продолжен.

Таким образом, совпадения указанных в анонимном дневнике о походе 1807 г. родственных связей, ранений, наград и особенностей характера автора показывают, что автором дневника является офицер Земского войска Василий Иванович Григорьев, даты жизни которого примерно определяются как 1781–1863 гг. Знаменательно, что ополченец Василий Иванович Григорьев – прямой потомок в седьмом колене спасителя отечества князя Дмитрия Пожарского, возглавлявшего ополчение в 1612 г.

Рукопись дневника В.И. Григорьева 1807 г. готовится к

публикации в очередном выпуске Государственного исторического музея «Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография».

Публикация дневника В.И. Григорьева, непосредственного участника событий, поможет уточнить некоторые обстоятельства этой «войны незначительной». Кроме того, ценность дневника состоит в том, что в нем без прикрас описан походный быт, а также мировоззрение некоторой части офицеров.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ОР РНБ. Ф. 859. К. 42. № 1.

² ПСЗ. 1806–1807 гг. С. 892–897. № 22374.

³ *Гулевич С.А.* История Лейб-Гвардии Финляндского полка. СПб., 1906. Ч. 1. С. 7.

⁴ Там же. С. 19–20.

⁵ ПСЗ. 1806–1807 гг. С. 1291–1293. № 22634.

⁶ Московские ведомости. 1808. № 35. 29 февр. С. 913–914; 1808. № 36. 2 марта. С. 950.

⁷ В «Истории Лейб-Гвардии Егерского полка за сто лет, 1796–1896» (СПб., 1896. С. 37) записано: «Егеря выступили не в полном составе; четыре офицера, а именно: поручики Мацнев, князь Туркистанов, Петин и фон Менгден и 39 человек нижних чинов были прикомандированы к С.-Петербургскому милиционному батальону, с которым и принимали участие в военных действиях». Данный дневник уточняет, что первоначально одним из прикомандированных был поручик П.А. Огонь-Догановский, который уже в походе заболел и 21 марта 1808 г. был заменен Мацневым.

⁸ РГВИА. Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 360. Л. 378–380.

⁹ Придворный календарь на 1825 год. СПб., 1824. Т. 3. С. 342.

¹⁰ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь: Биографии. М., 1993. Т. 4. С. 366–367.

¹¹ Василий Васильевич Григорьев, по его письмам и трудам / Сост. Н.И. Веселовский. СПб., 1887 г. С. 1–2.

¹² Там же. С. 3.

¹³ *Соколов А.* Князья Пожарские и нижегородское ополчение. 2-е изд. Н. Новгород; Саранск, 2006.

¹⁴ Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мною самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце на 25-ом году от рождения моего... СПб., 2004. Т. 1–2.

¹⁵ Василий Васильевич Григорьев, по его письмам и трудам. С. 4–6.

¹⁶ Ордена указаны в: Адрес-календарь на 1814 год. СПб., 1813. Ч. 2. С. 349; золотую медаль «Земскому войску» он должен был иметь по положению как офицер и участник боевых действий.

¹⁷ Василий Васильевич Григорьев, по его письмам и трудам. С. 6–7.

¹⁸ Адрес-календарь на 1814 год. СПб., 1813. Ч. 2. С. 349.

¹⁹ РГИА. Ф. 853. 1751–1881 гг. 545 ед. хр.

Авторы выражают благодарность заведующему отделом периодики РНБ А.И. Сапожникову за информацию о существовании этого ценного источника.